

§ 2. Идея истории исторического романа и ее воплощение в художественном произведении

Литература, как известно, отражает реальность. Что же является объектом отражения в историческом романе? История, т. е. исторические события, описанные историками и интерпретируемые автором исторического романа.

Английский философ Робин Коллингвуд, книга которого «Идея истории» за прошедшие после ее написания полвека приобрела репутацию классического труда в современной философии истории, предмет истории понимает как «науку о *res gestae*, попытку ответить на вопрос о человеческих действиях, совершенных в прошлом»¹. Но для настоящего историка мало знать человеческие деяния, важно выявить их мотивировку, те побудительные причины, которые вызвали эти деяния. То есть для истории объектом, подлежащим открытию, оказывается не просто событие, но мысль, им выражаемая. Так Коллингвуд приходит к формулировке своего понимания идеи истории: «Вся история – история мысли»². Историка важно проникнуть в менталитет эпохи, восстановить идею истории, как она осмысливалась людьми изучаемого им периода.

Общеизвестную задачу историка – раскрыть прошлое, оставившее после себя документы, Коллингвуд интерпретирует как задачу «открыть мысль, которая выражена упомянутыми словами. Для того же, чтобы выявить, какова была эта мысль, историк должен продумать ее снова и самостоятельно»³. Но ведь исторический объект не дан историка в восприятии, ибо восприятие знакомит его лишь с мертвыми реликтами, которые становятся историческим знанием только после того, как подвергнутся компетентной интерпретации. Как же возродить подлинное прошлое, которое не было бы собственным мышлением историка, выдаваемым за историческую реальность? Для решения этой задачи Коллингвуд создает концепцию «априорного воображения», выражающуюся в проигрывании (*reenactment*) прошлого опыта, т. е. в «переживании заново» того психического содержания, которое заключено в окаменелых остатках прошлого.

Коллингвуд признает, что специфика истории – в парадоксальном слиянии свойств искусства и науки, образующем «нечто третье», т. е. историческое сознание, воссоздающее воображаемую картину прошлого. Его концепция истории есть попытка построить историческую науку по образцу истории духовной культуры – истории искусства. Коллингвуд прямо указывает на то, что у историка и романиста общие задачи, что много общего и в методологии их поиска. Это, в первую очередь, привлекает к нему внимание современных литературоведов и делает его незаменимой опорой для исследователя исторического романа. Задачи у историка Коллингвуда и у автора исторического романа действительно совпадают: исторический роман призван воссоздать мироощущение, мировосприятие людей прошлого, задачу, на важность решения которой указал известный американский исторический романист Херви Аллен в романе «Битва при Аквиле». «То, что люди чувствовали – вот что будет забыто», приходит к выводу его герой, размышляя о том, как кровавая реальность битв со временем мифологизируется, покрывается романтической дымкой легенды.

Коллингвудовское «проигрывание прошлого опыта» означает ту процедуру, которая лежит в основе психологии создания исторического романа и его читательского восприятия, процедуру «проигрывания» процесса мысли с целью погружения в опыт прошлого и тем самым ее оживления в новом историческом контексте. Теория Коллингвуда, т. о., указывает историческому романисту (и его исследователю) на одну из важнейших задач, требующих своего разрешения, и на метод ее решения.

Анализируя сферу идей исторического романа, мы выделяем два уровня, присутствующих в произведении и являющихся объектом нашего исследования: философию истории, концепцию истории автора произведения и идею истории, нашедшую в нем отражение. Кроме того, исследуя американский исторический роман XX века, нельзя не рассматривать его соотношения с идеей истории, сформировавшейся в современном массовом сознании. Эти два уровня связаны с разными аспектами исторического романа и по-разному проявляются в его поэтике.

Исторический роман исследует прошлое, помогая лучше понять настоящее и предвидеть будущее. Он ориентирован, разлагается сразу на три оси координат времени. В этом проявляется та дихотомия, к которой приходит Гегель, размышляя о соотношении в структуре исторического романа истории и современности: общечеловеческое содержание и исторический материал как его внешняя форма, внешняя привязанность только к прошлому. Философия истории автора обеспечивает функционирование исторического романа в историческом настоящем (времени создания романа) и историческом будущем (времени его прочтения). Она, в первую очередь, и составляет его общечеловеческое содержание. Идея истории народа, их осознание исторических событий воскрешаемого прошлого, отраженная в романе, помогает воссоздать эпоху, интеллектуальный тип ее людей. Она является одним из слагаемых «внешней формы» исторического романа и в то же время носителем общечеловеческого содержания, потому что тоже связана с историческим

¹ Коллингвуд Р. Идея истории. – М., 1980. – С. 13.

² Там же. – С. 204.

³ Там же. – С. 269.

будущим через сходные психологические и интеллектуальные реакции людей на сходные исторические обстоятельства. Философия истории автора находит выражение в историческом романе в пласте авторской речи, а также в представлениях реальной конкретно-чувственной жизни (литература моделирует жизнь)⁴; а идея истории – только в модели изображаемого мира. Как это происходит конкретно в американском историческом романе XX века, как философия истории автора и идея истории отображаемого периода находят воплощение в поэтике исторических романов, будет показано в последующих главах.

Взаимоотношения между историографией и художественной литературой, оставаясь тесными на протяжении почти 200-летнего существования исторического романа, не оставались неизменными. В эпоху зарождения американского исторического романа именно в руках писателей-романтиков историография превратилась в «инструмент художественного исследования общественного и частного бытия человека»⁵. Исторический роман осваивал национальную историю гораздо успешнее, чем современные ему историки Дж. Бэнкрофт, Ф. Паркмен, Дж. Могли и другие, которые в своих исследованиях опирались на находки и достижения реалистического исторического романа Купера, Джона Нила, Дж. Кеннеди, У. Симмза, Мелвилла, шли за историческим романом. Однако философия истории в историческом романе предшествующего столетия была как бы за романом, роман вдохновлял, но сама по себе не являясь объектом исследовательского интереса писателя. В XX веке, в силу сокрушительных изломов истории и ускорения процесса исторического развития, вызвавших незнаемый доселе интерес к истории и к ее движущим силам, философия истории становится предметом исторического романа. Социальные сдвиги и пертурбации обнажают преемственность исторического процесса, детерминированность настоящего прошлым, его неразрывную связь с ним и соучастие в нем, делают идею преемственности и традиции в истории достоянием общественного сознания. Стремление постичь в принципе универсальные законы бытия обуславливает как стойкий интерес к исторической романистике на протяжении всего столетия, так и углубление философского подтекста романов о прошлом, содержащего авторскую интерпретацию исторического процесса и исторического познания. Неслучайно У. А. Бек в своей монументальной библиографии⁶, посвященной американскому историческому роману, указывает, что для осмысления прошлого историки постоянно обращаются к исторической романистике. Обращаясь к известным историческим фактам, писатели стремятся воплотить свою идею истории, обусловленную их мировоззрением и историко-идеологической ситуацией в период написания романа.

⁴ Гегель. Сочинения. – М., 1958. Т. 14. – С. 169–170.

⁵ Ковалев Ю. В. Историзм как художественный принцип в ранней американской романтической прозе // История и современность в зарубежных литературах. – Л., 1979. – С. 100.

⁶ Beck W. A., Clowers N. L. Understanding American History through Fiction. – N. Y., 1975.